

О. С. СТАФЕЕВА

Проблема редакций «Службы кабаку»

Спорность генезиса, уникальность, неоднозначность интерпретаций литературного памятника XVII в. «Служба кабаку» требуют дальнейшего его изучения, прочтения заново. Необходимо еще раз вслед за предшествующими исследователями поднять вопрос о состоянии текста памятника, в котором он дошел до нашего времени, определить характерные признаки авторского текста и позднейших в него привнесений.

«Служба кабаку» сохранилась в трех списках. Первый из ее исследователей В. П. Адрианова-Перетц сделала полный текстологический и археографический комментарий к спискам, дала описание дефектов и датировала старший список (ГИМ, № 3860) по почеркам, водяным знакам и по приписке к тексту — 1666 г., второй список (ГИМ, № 3859) по почеркам и водяным знакам — первой половиной XVIII в., третий (ГБЛ, собр. Беляева, № 1565) — по всему составу рукописи — серединой XVIII в.¹ Списки XVIII в., как указывала В. П. Адрианова-Перетц, заметно отличаются от старшего списка и почти тождественны друг другу. Они дополнены одинаковыми статьями, имеют одни и те же пропуски, перестановки, ошибки, что позволяет предполагать для них существование одного оригинала. В первых работах, посвященных изучению «Службы кабаку» (1934 г., 1937 г.), В. П. Адрианова-Перетц указывала, что нет оснований говорить о дописывании старшего списка поздними переписчиками, так как «весь текст службы написан в одной стилистической манере, с одними и теми же излюбленными приемами и оборотами... что и дает нам право вставить в основной текст песнопения, отсутствующие в старшем списке, но имеющиеся в двух других».² В этих изданиях авторский текст был реконструирован на основе всех трех списков и определен В. П. Адриановой-Перетц как пародия на «малую» и «великую» вечерню с каноном. В публикации 1954 г. В. П. Адрианова-Перетц приближается к мысли о том, что разные списки «Службы кабаку» представляют разные этапы работы над текстом, и исключает из текста сатиры три больших, составляющих канон (!) фрагмента, не представленных в старшем списке. Она отмечала, что эти фрагменты отличаются более книжным языком и «есть все основания думать, что текст „Службы

¹ Адрианова-Перетц В. П. «Праздник кабацких ярыжек». Пародия-сатира второй половины XVII века // ТОДРЛ. Л., 1934. Т. 1. С. 172—173.

² Там же. С. 172; Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М., 1937. С. 60.

кабаку“ расширился, дописывался».³ В остальных изданиях 1934 г. и 1954 г. мало отличаются. Современные издатели берут за образец издание 1954 г.⁴ Так, например, без канона, который не вошел и в комментарий, публикует текст «Службы кабаку» в «Памятниках литературы Древней Руси» Н. В. Поньрко.⁵ В издании текстов «Сатиры XI—XVII вв.» В. К. Былинин тоже берет за основу последний тип издания «Службы кабаку» В. П. Адриановой-Перетц, однако вводит канон (с произвольными сокращениями) в основной текст сатиры.⁶ Стоит отметить, что в этом сборнике древнерусский текст «Службы кабаку» сопровождается переводом на современный русский язык. Предлагаемый В. К. Былининым перевод неудачен, и вряд ли мог утратить силу специфики литературного языка XVII в. Образцом, вероятно, может служить тип издания в «Памятниках литературы Древней Руси», где произведения XVII в. не переводятся, а сопровождаются комментариями и словарями. Таким образом, позиции издателей «Службы кабаку» достаточно противоречивы. Очевидно, что полноценное изучение сатиры «Служба кабаку» затруднено приблизительным представлением об архетипе этого памятника.

1. Как показала В. П. Адрианова-Перетц, «Служба кабаку» написана в Сольвычегодском крае и содержит приметы, имена, характерные для района Северной Руси.⁷ Вообще, по мнению исследовательницы, появление этого текста вызвано сугубо местными причинами, а конкретно — засильем в Сольвычегодском крае кабаков, выгодных крупным предпринимателям Строгановым. При сравнении трех списков, к которому необходимо было прибегнуть еще раз вслед за В. П. Адриановой-Перетц, обнаружилось, что все реалии и названия, которые могли быть непонятны, незнакомы читателю, например центральных районов Руси, и которые присутствуют в списке 1666 г., заменены, пропущены или, по возможности, прокомментированы в списках XVIII в. Примером могут служить уже две первые фразы текста, равноправно существующие во всех изданиях сатиры, в то время как вторая фраза явно не принадлежит автору, а приписана позже для расшифровки начала текста, насыщенного сугубо местными и диалектными понятиями. Первое предложение (самое начало текста): «Месяца китовраса в нелепый день, иже в неподобных кабаках шалного, нареченного во иноческом чину *Курехи* и иже с ним страдавших три, еже высокоумных самобратных, по плоти *хулавых Гомзина, Омельяна и Алафии*, буяных губителей *остьянских*» — присутствует в двух списках, кроме списка XVIII в. (ГИМ, № 3859), в котором утрачен первый лист. Спорными до сих пор остаются значения слов *Куреха, Гомзин, Омельян, Алафия*. В. П. Адрианова-Перетц считала, что это собственные имена, известные, в частности, по документам XVI—XVII вв. в северо-восточной Руси,⁸ и публиковала их с большой буквы. В. К. Былинин воспринимает их как севернорусские диалектизмы, использованные в качестве олицетворения, что является новым в интерпретации текста памятника, и переводит *Куреху* как Корчемное вино (скрытно выкуренное), *Гомзина* как Шаловливость,

³ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII в. М., 1954. С. 199.

⁴ Обычно используется издание «Русской демократической сатиры XVII века» 1977 г., которое воспроизводит издание 1954 г.

⁵ ПЛДР: XVII в. Кн. 2. М., 1989. С. 196—211.

⁶ Сатира XI—XVII веков / Сост., вступ. статья и коммент. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. С. 455, 172—193.

⁷ Адрианова-Перетц В. П. Очерки... С. 53—54.

⁸ См.: Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1803.

Омельяна как Лихву, Алафию как Нечаянный прибыток (карточный выигрыш).⁹ Обращение к материалам словарей древнерусского языка, русских народных говоров и В. И. Даля, к которым, по-видимому, и восходит замечание В. К. Былинина о диалектном характере слов, к сожалению, никак им не доказанное и не проиллюстрированное, дает сведения, многое объясняющие в семантике этих слов. Гомзин — это, вероятно, однокоренное слово к следующему ряду слов с диалектными особенностями в семантике, но сохраняющих древнее значение корня: «гомонеть — шуметь, хохотать, возиться»; «гомоза — непоседа, юла, беспокойный, светливый человек»; «гомзѣк — баловник, шалун, повеса»; «гомозень — непоседа...»¹⁰ и т. д. Как указывает В. И. Даль, слова с корнем *гом/гам* характерны почти для всех русских говоров, в том числе и северных. В словаре В. И. Даля встречается и «куреха» — «корчемное, скрытно выкуренное вино».¹¹ Алафия — вероятно, от «алаф», «алафа», обозначавшее какую-либо прибыль (награду, выигрыш в карты, удачу), отсюда — современное «лафа».¹²

Со смыслом перевода слов «куреха», «гомзин», «алафия» у В. К. Былинина можно согласиться, но все же выбранные для них современные соответствия не адекватны стилю демократической сатиры XVII в. Что же касается «омельяна», то это не «лихва», а «лгун, празднослов, пустомеля, дурак, простофиля», что означают в русских народных говорах слова «емѣля», «омѣля».¹³ Значимые олицетворения, используемые автором, относятся к тому же ряду явлений, что и значимый псевдоним, имя. Этот прием восходит к фольклорной традиции негативной ономастики и топонимии. Он был искусно использован Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» и вообще распространен в русской литературе XVIII—начала XX в. (Д. Фонвизин, В. Нарезный, М. Булгаков). Для широкого читателя олицетворение диалектных, малоупотребляемых значений было, наверное, непонятно, и поэтому в списках XVIII в. появляется приписка, что-то вроде толкования приведенных строк: «Празднество в неподобных местех на кабаке, где, когда, кто с верою изволят праздновати трех слепителей — вина и пива и меда, христианских лупителей и человеческих разумов пустотворцев». Как видно, названные слова переводятся доступным и знакомым парафразом — «три слепителя (т. е. три святителя. — О. С.) — вина и пива и меда», а также читателям еще раз представлены место действия и тема произведения.

Стоит обратить внимание и на то, что в одном списке XVIII в. (ГИМ, № 3859) первое предложение несколько изменено: слово «хупавые» отсутствует, а «губители остьянские» заменяются на «губители христианские». Ни один из словарей не дает какого-либо материала для убедительной интерпретации «остьянских». Но можно предположить, что «остьянские» — это ошибочно переписанное слово «устьянские» (звук «у» передавался на письме буквой «ук» — Ѹ), а «устьянские» объяснить как происходящее от этнонимов «устьяне», «устьяки», «устьяки» (до сих пор сохранившееся са-

⁹ Сатира XI—XVII веков. С. 194, 455.

¹⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 1. С. 373.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 223.

¹² «Алаф — слово Арабское, перешедшее и в другие языки, значит продовольствие, жалование...» (Срезневский, Материалы. Т. 1. С. 15); «Алафа (олафа). Награда, дар, угощение» (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Т. 1. С. 27); «Алафа. татр. Жалование; дача, пашк... // ныне: лафа, счастье, удача, нечаянная прибыль, особенно выигрыш в карты» (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 1. С. 10).

¹³ Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8. С. 355; Л., 1987. Вып. 23. С. 199. Ввиду сделанных поправок к значениям слов Гомзин, Омельян, Алафия можно предложить для них следующие современные соответствия: Шалость, Дурость, Дармовщина.

моназвание населения, проживающего по р. Устьи, притоку р. Ваги, которая берет начало недалеко от г. Великий Устюг). Сохранились свидетельства и XVII в. о том, что существовало название «устьянские» для обозначения волостей по р. Устьи и крестьян этих волостей: «1622. Сентября 8. Царская жалованная грамота Устьянским волостям о дозволении им избрать излюбленных старост...»; «Божиею милостью мы, Великий Государь Царь и Великий князь Михайло Федорович ... пожаловали есмя Усьи и Заячьи реки волостных крестьян, Пьянка Агафонова, да Иевка Дуракова, да Семку Карнова, и всех Устьянских волостей крестьян, лутчих и молодчих людей... у них в Устьянских волостях приказных людей не бывало, а судили их мирские выборные судейки...»; «а мы тех излюбленных судей велим и к целованию привести, что им Устьянских волостных людей судити и управа чинити по судебнику и уставной грамоте».¹⁴ О том, что имеется в виду именно подразумеваемый район, говорит следующее указание в этой же грамоте: «А в чем будет им управы учинити невозможно, и им в том суда своего списки и обоих истцев присылати к докладу к Москве, в Устюжскую Четь, к дьякам нашим, кто будет в Устюжской Чети».¹⁵ Устюжская Четь — административный судебный орган, заведовавший городами с уездами на Севере страны (Великий Устюг, Сольвычегодск и др.). Обращает на себя внимание тот факт, что районы по р. Ваге, р. Устьи, достаточно обжитые и известные в XVII в., очень часто фигурируют в царских грамотах в связи с проблемами строительства, функционирования «царевых кабаков». В настоящее время район по р. Устьи принадлежит Архангельской области и по-прежнему называется Устьянским.

Вероятно, смысл слова «остьянские» для нового читателя «Службы кабаку» был затемнен, а замена его на «христианские» придавала более обобщенный смысл высказыванию.

На первый взгляд, предложенная гипотеза противоречит мнению В. П. Адриановой-Перетц о месте создания текста сатиры. В. П. Адрианова-Перетц приводит в качестве доказательств происхождения «Службы кабаку» из Сольвычегодского края два факта: А. Упоминание в самом тексте сатиры реалий этой местности: «...радуйся, кабаче, отемнение *Вычеготскому Усолию*, а ныне не токмо ты *Усолие* почитает, но и в дальних языческих странах слышат твое обнажение, еже во окрестных волостях, еже есть на *Вычеге* и на *Виледе* и на *Лале*, и в протчих волостях сердечное воздыхание и в перси биение»; Б. Запись на страницах старшего списка (ГИМ, № 3860, л. 291—295): «...сии кабак Никиты Петрова, сына Новоселцова, а подписал по его велению Прилуцкого монастыря дьякон Юрье Попов...». «Прилуцкий монастырь был построен в 40 верстах от Великого Устюга и находился как раз в центре между бассейнами Вычегды, Виледи и Лалы».¹⁶ Как видно, мнение В. П. Адриановой-Перетц и предположение, что «остьянские» — это «устьянские», только дополняют друг друга, так как все перечисленные реалии находятся в одной историко-географической области. Однако хотелось бы уточнить, учитывая теперь новые факты, в каких отношениях к спискам находятся географические приметы. В старшем списке в первом предложении упоминаются «устьянские» и на последних листах находится запись дьякона Прилуцкого монастыря. В двух списках XVIII в. содержится уже приводимый эпизод с «Вычеготским Усолием», «Виледой» и т. д. Значит, список XVII в. и списки XVIII в. независимо

¹⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Имп. АН. СПб., 1836. Т. 3. (1613—1645). С. 176—177.

¹⁵ Там же. С. 177.

¹⁶ Адрианова-Перетц В. П. Очерки... С. 53—54.

друг от друга и в разных формах запечатлели сведения об ареале происхождения авторского текста «Службы кабаку» — район Северной Двины в верхнем течении. Более точно говорить о месте создания «Службы кабаку» невозможно, так как текст по мере бытования в районе своего «рождения» мог впитывать известную в этом районе ономастическую лексику.

Необходимо привести еще два примера, демонстрирующие, как списки XVIII в. исключают или переделывают фрагменты, содержащие имена, прозвища, диалектизмы:

1. Текст списка XVII в.: «Благослови дом... неподобных воров великих, Кокорку и Мариловца. Слава поем, иже безумию их подражател, *Михаила Труса* и *Илейку Черного* и всех головных воров...» — заменяется в списках XVIII в. новым: «Благослови дом... величавых и гордых и безумных голянских кабацких, кои кому последуют, и лупителей христианских, и неподобных обманщиков и костарей, и всех проклятых воровских людей...». В. П. Адрианова-Перетц определяла выделенные имена со ссылкой на словарь Н. М. Тупикова как имена собственные. Можно согласиться, что Михаил Трус и Илейка Черный — имена и прозвища, может даже обозначающие конкретных людей: эти имена распространены на Руси, а прозвища типа Трус (или в переводе В. К. Былинина «Трясун»), Черный до сих пор существуют в русских деревнях для выделения членов какого-либо рода. Но Кокорка и Мариловец повторяют случай с Гомзиным, Алафией и т. д. и также являются диалектизмами. В. К. Былинин переводит: Кокорка — Зажимала, Мариловец — Душегуб. Материалы словарей дают основание для такого понимания, так как в русских народных говорах «кокорой» называют «скупого, жадного, твердого человека»,¹⁷ «морильщиком» («мариловца» нет) — того, кто морит людей, скот.¹⁸ По-видимому, под Кокорой в тексте подразумевается ростовщик (в этом эпизоде и говорится о закладе имущества). Автор называет в данном случае не конкретных людей, а использует прием олицетворения для обозначения характерных для кабака социальных явлений: Дом Ростовщичества и Душегубства (или, как переводит В. К. Былинин, Дом Зажималы и Душегуба).

2. Также по спискам XVIII в. видно, что редактора явно не удовлетворяло славословие «слава и ныне отецкому сыну суровому», которое находится в старшем списке. Слово «суровый» употреблено в диалектном значении и в данном контексте обозначает «бешеный, резвый, своевольный, непослушливый».¹⁹ Эти значения слова «суровый» хорошо вписываются в ряд определений, характерных для персонажей «Службы кабаку»: «шалльной, непослушливый, безумный, буявый и т. д.». Редактор XVIII в. пытался осмыслить это странное для неосведомленного читателя выражение и подобрать для диалектизма слово из общерусского словаря: «Отецкий сын неученный», «неученный сын суровый» (В. К. Былинин оставляет слово «суровый» без перевода).

II. Вторая особенность списков XVIII в. — тенденция к распространению текста. В службу вводятся не изменяющие смысла, но уточняющие эпитеты, словосочетания, предложения. Некоторые замены словосочетаний трудно логично объяснить: «взявши кошол под окны пошел» (XVII в.) заменяется на «взявши кошол по подворьям пошел» (XVIII в.), «шалльное дуровство»

¹⁷ Словарь русских народных говоров. Л., 1978. Вып. 14. С. 94.

¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь... Т. 2. С. 347. (Морила, морильщик — «кто морит людей дурным лечением, работами, смехом, либо тараканов и крыс отравой»).

¹⁹ «Суровый — сев. и сиб. резвый, шаловливый, своевольный; бойкий, дикий, или бешеный» (Даль В. И. Толковый словарь... Т. 4. С. 363). «Суровый — непослушливый, очень подвижный (о ребенке), озорной, хулиганистый» (Печерская картотека словарного кабинета ЛГУ им. Б. А. Ларина).

часто меняется на «шальное воровство». Неожиданно в списках XVIII в. появляются «арапы»: «телом же (о пьяницах. — О. С.) беша почернели, аки арапи сини»; появляется новое словосочетание «лупители христианские» и прослеживается на протяжении всего текста списков XVIII в. В поздних списках вместо обозначений гласов цифрами (глас 10, 18, 9 — автор сатиры использует ложную нумерацию, так как гласов всего восемь, и номера эти не имеют смысла) появляются определения: «глас остаточный, глас шестопятый, глас пустосмешный, пулной» и т. д.

III. О работе над текстом редактора говорит появление в поздних списках трех достаточно объемных дополнительных эпизодов, организующих единый канон. Эпизоды расположены через небольшие интервалы авторского текста. Количество и последовательность песен канона соблюдены. Как известно, всего в каноне — 9 песен, но песнь вторая всегда опускается, кроме Великого Покаянного Канона в Великом Посту, поэтому в дополненном каноне 8 песен. В списке XVII в. есть упоминание о каноне: «По сем молитва пред каноном» и далее — «По сем канун, творение: „Хто без ума и без памяти пьет, не крестяниски скончается“». Возможно, что последняя строка в этой пародии играла роль канона. Автору, хорошо знакомому с богослужением, важно было передать точную последовательность композиции и объем Всенощной, а поскольку его собственное сочинение уже подходило к смысловому и логическому концу, то распространять полным каноном текст он не стал. Возможно, позднее, при переписывании эта краткость была замечена и восполнена. Характерно, что в списках XVIII в. канон в одну строку опущен: его функцию теперь выполнял полный канон. Как и свойственно обычному канону в богослужении, дополненный канон содержит центральные мотивы, идеи службы и читаемого жития. Автор канона стилистически распространяет, пересказывает общие для всех списков темы, сюжеты, бытовые сценки.

Текст «Службы кабаку»

1. Днесь есмь был пьян, не помню, как с кабака свели, в мошне денег алтын десять, то все вычистили.

2. Егда придет от кабака на подворье к жене своей, мирная глаголаху: «Сего дни видевши подворницы его непрестанно кленяху». Ови же укоряху его, глаголюще, яко: «Ясти нечего, а пьеш!». Гневно жена его злословяще вопиющи: «Сего дни з детьми не ела...».

3. ...Примет оружие пьянства и ревности драки наложит шлем дурости и примет щит наготы, поострит кулаки на драку, вооружит лице на бой...

Текст канона

1. Вчера был пьян, денег в мошне было много, утре встал, хватился за мошну, ничего не сыскал.

2. Много было имения, из дому все выносил и на Тебе (кабаке. — О. С.) пропилил, и к жене прибрел и наг и бос, борже спать повалился, а в ноши пробудился, и слышах жену и детей, злословящих мя: «Ты пьеш и бражничаеть, а мы с голоду помираем!».

3. Ненасытством и слабостию одержим прибегаю к Тебе, кабаке непотребны, наготово одеяся, яко шитом неподобным, нелицемерно и непостыдно вооружен есмь на восхищение чюжаго имения.

Автор канона, как внимательный читатель, правильно определяет основной набор поэтических, стилистических средств, используемых в «Службе кабаку»: перелицовка богослужебных текстов, заимствование лексических клише и мотивов учительного красноречия, введение сниженных разговорных выражений, пословиц, поговорок, скomorошьего ясака — и следует им при написании собственного канона. Но если автор основного текста пытался подстраивать традиционную литературу под собственный стиль, убирал общие, не относящиеся к теме его сочинения рассуждения, то автор канона, бывает, использует явно не соответствующие, контрастные контексту цитаты без каких-либо изменений. Так в тексте канона появляется незнакомая

основному содержанию произведения ссылка на библейский авторитет: «Иеримии глаголет: „Престанем пити“», а также расхожие для поучений против язычества, скороморшества и некоторых других греховных наклонностей конструкции. Например, текст канона: «Всякая неправда на Тебе (кабаке. — О. С.) содевается: и злоба обнажается, и бесования мечты объявляются, и всякое плясание, и песни, и игранья, и иная бесования и высокоречие, нищета и лжа с неправдою, сопелное гудение и бубны биение, скакание бесовское... благодати умаление, гласов возвышение, гневу умножение и т. д.» и для сравнения — традиционные выражения поучений: «В праздники блудити, играете, пляшете, в сопели сопете, завидите, злопоминаете, гневаетесь, лаетесь, сваритесь»,²⁰ «И всякий верный празднует воскресение Христова весело, а не пьянством, игранием, и плясанием и песнями бесовскими и плотскими похотениями».²¹ В каноне появляются и такие намеки: «блудному греху учитель», «с блудницами расточих все свое имение». В основном тексте подобные поступки и качества не упоминаются.

Говорить о том, что редактирование и канон — творчество одного человека, можно очень осторожно, потому что редакторские вставки в текст невелики — это может быть слово, предложение — по ним нельзя определить особенности, приметы стиля редактора. Но все же есть некоторые общие для канона и редакторских вставок «знаки». Во-первых, и в каноне и в редакторских вставках присутствует такое нехарактерное для массового употребления в XVII в. понятие, как отчество (в тексте «отчество»). И в каноне, и в редакторской вставке «отчество» появляется в одном семантическом контексте, с одной целью. Если в авторском тексте: «Всяк его (пьяницу. — О. С.) хвалит в те поры (когда деньги есть. — О. С.), кое у него видят, и пьют», то во вставке: «Всяк его хвалят в те поры и *отчество* его знают» (т. е. уважают, когда есть деньги). В каноне присутствует однотипное замечание: «Как видит у нас (деньги. — О. С.), так любит нас и *отчество* наше почитают тя». Во-вторых, в каноне и в еще одной вставке очевиден общий для них тип словотворчества. По образцу главного определения кабака в основном тексте службы «бесованию наставниче» появляется вставка «глупым приставниче», а в каноне — по этой же схеме — «аду сопристокниче, сатане собеседниче, диаволу спутниче».

Примечательно, что техника пародирования церковных текстов в каноне достаточно совершенна и мало чем отличается от авторской. Вероятно, именно это свойство канона позволило В. П. Адриановой-Перетц первоначально считать его сочинением самого автора службы. Подобное сходство принципов пародирования в каноне и основном тексте, пожалуй, свидетельствует о существовавшей и достаточно распространенной в литературе традиции стилистического пародирования церковных песнопений. Сама В. П. Адрианова-Перетц говорит о возможной легкости для средневекового человека пародирования текстов, с которыми каждый был знаком из циклического богослужения и которые у всех были «на слуху». До нашего времени дошли кроме текста «Службы кабаку» другие примеры пародий. В «Сказании о попе Савве» пародируется каноническая поэтика акафиста;²² применение текстов Священного Писания для достижения комического эффекта встречаем в «Сказании о крестьянском сыне»;²³ богатым ма-

²⁰ Соболевский А. И. Два русских поучения с именем Григория. // ИОРЯС. СПб., 1907. Т. 12, кн. 1. С. 256.

²¹ Слово о Посто о Велицеи и о Петрове говеньи по Филипове // Буслев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 561.

²² Гаспаров М. И. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 25.

²³ Адрианова-Перетц В. П. Русская демократическая сатира XVII в. С. 278—279.

териалом для стилистического пародирования были и молитвословные возгласы.²⁴ Если согласиться с предлагаемой в данной работе идеей о более позднем, чем весь текст сатиры, происхождении канона, то следует, что канон — пример двойной стилизации. Его автор использовал предшествующую традицию пародирования церковных текстов и подражал как образцу, источнику темы и сюжетов «Службе кабаку».

Из приведенных наблюдений можно вывести три особенности списков XVIII в.: 1. Либо изъятие, либо комментирование в них диалектных, местных признаков авторского текста, к которому наиболее близок текст списка 1666 г. 2. Последовательное распространение текста сатиры характерной однотипной лексикой, синтаксическими конструкциями. 3. Дополнение канона. Следовательно, закономерно сделать вывод о целенаправленной работе над текстом одного человека, а значит, и утверждать существование редакции «Службы кабаку», созданной для читателей центральных областей и скорее всего — читателей Москвы, так как известны факты бытования там сатиры. Е. Б. Смилянская в статье «К вопросу о народной смеховой культуре XVIII в. Следственное дело о „Службе кабаку“ в комплексе документов о богохульстве и кошунстве» сообщает, что в 1726 г. Московская дикастерия разбирала дело по доносу о держании богопротивной книги, в которой написано празднество кабацкое (т. е. «Служба кабаку» или «Праздник кабацких ярыжек»).²⁵ Среди пяти читателей, проходивших по делу об этом произведении, Е. Б. Смилянская называет трех представителей духовенства, в том числе иеродьякона кремлевского Чудова монастыря. К сожалению, сам текст сатиры из документов по делу исчез еще в XVIII в., иначе у нас был бы четвертый список «Службы кабаку». Из-за малого количества списков и имеющих в них дефектов трудно до сих пор установить, каким же был начальный текст. К тому же пока нет, кроме найденных Е. Б. Смилянкой и Р. Г. Пихоя материалов следствия, свидетельств о бытовании и восприятии в XVII и XVIII вв. «Службы кабаку». Но в решении этих вопросов поможет контекст, в котором дошли до нас списки XVIII в. В списке первой половины XVIII в. (ГИМ, № 3859) вслед за текстом «Службы кабаку» идет цикл повестей о Хмеле и выписки из мирских притч на тему о пьянстве. Автором их не мог быть сам редактор, так как эти выписки содержатся в ряде сборников XVII—XVIII вв., не имеющих в своем составе «Службы кабаку».²⁶ В списке (ГБЛ, собр. Беляева, № 1565) помимо этих же статей о пьянстве перед текстом помещается предисловие, редкий пример критического эссе XVII в. о произведении древнерусской литературы, объясняющее необычность текста и содержащее факты его восприятия. Предисловие определенно создано в XVIII в.: об этом свидетельствуют его сложный язык с латинизмами, витиеватые синтаксические обороты. Предисловие не могло принадлежать редактору, так как в нем очень отвлеченно пишется о некоем создателе праздника кабацкого, который называется и издателем текста. Следует

²⁴ Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнауховой. Л.: Academia, 1934. С. 25.

²⁵ ТОДРЛ. Л., 1991. Т. 45. С. 437. В настоящее время известно еще одно дело, посвященное распространению «Службы кабаку», оно привлекалось для анализа в двух статьях: Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 187—189; Ромодановская Е. К. Служба кабаку перед церковным судом XVII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 189—195.

²⁶ Симоны П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетия. СПб., 1899. Вып. 1. С. 1—68 (описание сборников); Махновец Т. А. «Слово о Хмеле» в списках XV в. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 163.

отметить, что в оглавлении к сборнику, содержащем старший список, сатира названа «О службе кабаку», в приговоре дикастерии — «Празднество кабацкое», в предисловии к самому позднему списку — «Праздник кабацких ярыжек». Возможно, дикастерии попался список с предисловием, и канцелярией было заимствовано определение из него, а возможно, текст уже бытовал под этим названием. Может быть, на изменение названия повлияли переводная латинская литература, знакомая с традицией праздников дураков, новый тип светских праздников, введенных Петром I, вроде «Всешутейшего собора». В конце сборника с предисловием к сатире помещаются еще и вирши о пьянстве, представляющие собой краткое изложение основных идей произведения.²⁷ Таким образом, «Служба кабаку» к середине XVIII в., как и другие древнерусские повести (например, повести «О Хмеле»), обрастает компиляциями на тему о пьянстве, предисловием и виршами и образует уже единую книгу с выдержанной тематикой.

²⁷ Адрианова-Перетц В. П. Праздник кабацких ярыжек. Русская демократическая сатира XVII в. Л., 1936. С. 82—84 (описание сборника).